

Has been issued since 2002
<https://mongoloved.kigiran.com/jour>

Vol. 17, Iss. 2, pp. 275–293, 2025
DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-275-293

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'272

UDC 81'272

Люди и (языковые) ландшафты в теории и практике социолингвистики (на примере Улан-Батора)

*Эржен Владимировна Хилханова¹,
Доржи Львович Хилханов²*

People and (linguistic) Landscapes in the Theory and Practice of Sociolinguistics (the case of Ulaanbaatar)

*Erzhen V. Khilkhanova¹,
Dorzhi L. Khilkhanov²*

¹ Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

¹ Research Centre on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the RAS (1, bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

0000-0001-9369-343X. E-mail: erzhen133[at]mail.ru

² Московский городской педагогический университет (д. 5Б, Малый Казенный пер., 105064 Москва, Российская Федерация)

доктор социологических наук, доцент, профессор

² Moscow City University (5B, Maly Kazenny Lane, 105064 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Professor

0000-0002-9382-7757. E-mail: dorjikh[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Khilkhanova E. V., Khilkhanov D. L., 2025

Аннотация. Настоящая работа посвящена прояснению теоретических, методологических и терминологических вопросов вокруг проблематики «люди и (языковые) ландшафты» и практическому исследованию языкового ландшафта малоизученного в этом плане города — Улан-Батора. Исследование базируется на смешанной *методологии*: визуальная этнография, анкетирование, интервьюирование, этнографическое наблюдение. *Материалом* для анализа стали 945 знаков

Abstract. This work is devoted to clarifying the theoretical, methodological and terminological issues around the problem “people and (linguistic) landscapes” and to the practical study of linguistic landscape in one of the cities underinvestigated in this respect — Ulaanbaatar. The research is based on a mixed *methodology*: visual ethnography, questionnaires, interviews, and ethnographic observation. The *material* for the analysis includes 945 linguistic landscape signs, 100 questionnaires and 6 oral interviews, as well

языкового ландшафта, 100 анкет и 6 устных интервью, а также неформальные разговоры, материалы СМИ и социальных сетей. *Результаты.* В теоретико-методологическом плане в статье рассмотрена роль этнографии в лингвокультурных исследованиях, прокомментирован ряд терминов, используемых в этнографически ориентированных социолингвистических работах. Авторы доказывают, что проблематика «люди и (языковые) ландшафты» шире, чем проблематика «агентивность и (языковые) ландшафты». Также аргументируется, что обращение непосредственно к людям, их языковым идеологиям позволит преодолеть односторонность интерпретации исследователя. Практический анализ построен на вышеописанных теоретических принципах с учетом широкого геополитического, экономического и прочих контекстов, влияющих на языковые предпочтения и видимость языков в публичном пространстве Улан-Батора. Анализ показал некоторую поляризацию общества по отношению к «засилью» наиболее активной «тройки» иностранных языков — английского, корейского и китайского. Осознание их необходимости в глобализованном мире сочетается с боязнью утраты национальной идентичности и культуры. Эти общие идеологемы имеют дополнительные специфические коннотации в случае каждого из вышеупомянутых языков. Если английский обладает в глазах жителей Улан-Батора глобальной ценностью, то ценность корейского языка обусловлена притягательностью «ролевой» модели Южной Кореи, мягкой силой корейской поп-культуры. Отношение к китайскому языку в наибольшей степени варьирует по шкале от неприятия до осознания его необходимости.

Ключевые слова: языковой ландшафт, этнографический подход, агентивность, языковые идеологии, контекст, Улан-Батор, английский язык, корейский язык, китайский язык

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Языковые ландшафты Улан-Удэ и Улан-Батора как зеркало языковой политики и отношения к языкам» (№ 24-28-00590, <https://rscf.ru/project/24-28-00590/>).

as informal conversations, media and social media materials. *Results.* From a theoretical and methodological point of view, the article examines the role of ethnography in linguistic landscape research, and comments on several terms used in ethnographically oriented sociolinguistic works: *voices, language ideologies, language attitudes*. The authors argue that the problem “people and (linguistic) landscapes” is broader than the problem “agency and (linguistic) landscapes”. It is also argued that addressing people directly, their language ideologies will help overcome one-sided researcher’s interpretation. The empirical analysis is based on the theoretical principles described above, also considering the broad geopolitical, economic and other contexts that influence language preferences and visibility of languages in the public space of the Mongolian capital. The analysis showed a certain polarization of society in relation to the “dominance” of three most “active” foreign languages in the linguistic landscape of Ulaanbaatar — English, Korean and Chinese. Awareness of their necessity in the globalized world is combined with a fear of loss of national identity and culture. These common ideologemes have additional specific connotations in the case of each of the aforementioned languages. If English has a global value in the eyes of Ulaanbaatar residents, the value of Korean is due to the attractiveness of the economic “role model” of South Korea and the soft power of Korean pop culture. Attitudes towards Chinese vary the most on a scale from rejection to realization of its necessity. So, by examining the Ulaanbaatar’s case and methodological approaches, the paper argues that ethnography enriches linguistic landscape studies by uncovering the lived experiences and contextual meanings behind linguistic signs.

Keywords: linguistic landscape, ethnographic approach, agency, linguistic ideologies, context, Ulaanbaatar, English, Korean, Chinese

Acknowledgements. The research was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-28-00590 “The linguistic landscapes of Ulan-Ude and Ulaanbaatar as a mirror of language policy and language attitudes” (<https://rscf.ru/project/24-28-00590/>).

Для цитирования: Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Люди и (языковые) ландшафты в теории и практике социолингвистики (на примере Улан-Батора) // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 2. С. 275–293. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-275-293

For citation: Khilkhanova E. V., Khilkhanov D. L. People and (linguistic) Landscapes in the Theory and Practice of Sociolinguistics (the case of Ulaanbaatar). *Mongolian Studies (Elista)*. 2025. Vol. 17. Is. 2. Pp. 275–293. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-2-275-293

1. Введение. О постановке вопроса и теоретических принципах исследования

Исследования языковых ландшафтов, несмотря на новизну этого социолингвистического направления, насчитывающего примерно два десятка лет, уже имеют свою историю и логику развития. В начале их изучения языковые ландшафты были, образно выражаясь, довольно бесплодны. Интерес ученых был направлен на сами языки, с точки зрения методов исследований доминировали исследования количественного характера (см., например: [Backhaus 2007]). Как справедливо замечают Я. Бломмарт и И. Мали, основным преимуществом таких исследований является то, что это очень полезный инструмент для первой диагностики. Он позволяет довольно быстро выявить основные особенности социолингвистических режимов, а в случае многоязычного режима — задокументировать встречающиеся языки [Blommaert, Mali 2019]. Конечно, и в количественных исследованиях языковых ландшафтов (далее — ЯЛ) люди присутствовали в виде фоновых акторов сложившихся ситуаций, но специального внимания их агентивности и восприятию ими ЯЛ не уделялось.

Однако довольно скоро дальнейшее развитие теории и методологии исследований ЯЛ привело к осознанию того, что ЯЛ — чрезвычайно удобные для исследования объекты, в которых можно «считать» разнообразие социальных значений, социальной индексальности и контекстов, определяющих и объясняющих как количественные параметры, так и другие особенности визуального представления тех или иных языков в ЯЛ [Blommaert 2013; Blommaert, Mali 2019; Чернявская 2023а; Чернявская 2023б]. Таким образом мы уже приближаемся к антропоцентрическому направлению в ЯЛ; разворот в сторону этнографии в лингволандшафтных исследованиях означает, по сути, изучение агентивности¹ на разных ее уровнях: 1) микроуровне (индивидуальные действия и действия сообщества), 2) мезоуровне (институциональные и коммерческие воздействия), 3) макроуровне (национальные и глобальные действующие силы).

Тем не менее проблематика «люди и (языковые) ландшафты» шире, чем проблематика «агентивность и (языковые) ландшафты». Она шире потому, что изучение продуктов агентивности, в данном случае — созданных людьми ЯЛ — осуществляется, как правило, исследователем, который «считывает» социальные значения знаков ЯЛ и интерпретирует их; на интроспекции и интерпретации исследователя строится большинство работ по ЯЛ (см., например: [Blommaert 2013; Saduov et al. 2022; Savski 2021]). Это не есть недостаток: напротив, мы — сторонники интроспекции, которая редко эксплицируется как метод, хотя анализ собственного ментального состояния и процессов — это источник лингвистической интуиции. Как писала Р. Лакофф, «...если есть необходимость собрать

¹ Под агентивностью понимается активная деятельность и волеизъявление людей; подробнее о дискуссии на эту тему см.: [Bouchard, Glasgow 2018; Хилханова 2020].

данные для анализа, это обычно делается посредством сбора данных от других лиц; я полагаю, что я — такой же хороший источник данных, как и любой другой человек» [Lakoff 1975: 5]. Ее работа «Language and woman's place» («Язык и место женщины») [Lakoff 1975], построенная исключительно на интроспекции и наблюдении, представляет собой убедительный пример использования метода интроспекции в социалингвистике. В более широком ракурсе интроспекция — неотъемлемая часть антропологического подхода в лингвистике; писал об этом В. М. Алпатов так: «Любое лингвистическое описание в какой-то степени опирается на интуицию носителя языка (хотя носитель языка и исследователь — не обязательно одно и то же лицо) и тем самым глубоко антропоцентрично» [Алпатов 2018: 182].

В исследованиях ЯЛ антропологический, или этнографический, поворот наиболее эксплицитно осуществлен в работах бельгийского социалингвиста и лингвистического антрополога Я. Бломмарта. В своей, пожалуй, самой известной и влиятельной работе по ЯЛ, построенной на многолетнем изучении ЯЛ района Старый Берчем г. Антверпена, где он жил, Я. Бломмарт последовательно проводит тезис о том, что физическое пространство никогда не является ничейной территорией, но всегда — чьим-то пространством («a space that is never no-man's-land, but always somebody's space»). Соответственно, это пространство историческое, наполненное кодами, ожиданиями, нормами и традициями; и пространство власти, контролируемое людьми, а также осуществляющее контроль над ними [Blommaert 2013: 3].

Тем не менее и в работе Я. Бломмарта человек выведен из знаков; то, что делает Я. Бломмарт, — это «**реконструкция** (выделено нами. — Э. Х., Д. Х.) коммуникативных паттернов, для которых были изготовлены такие знаки» [Blommaert 2013: 50]. Автор прослеживает путь «от знаков к практикам и к людям» [Blommaert 2013: 50]. При всей важности теоретически обоснованного и практически реализованного подхода Я. Бломмарта здесь мы имеем дело с сугубо авторской интерпретацией знаков, наблюдаемых в визуальном пространстве одного из районов Антверпена. Конечно, в этой авторской интерпретации присутствуют «голоса» жителей изучаемого района, но уже, так сказать, в виде интерпретации интерпретации¹.

Однако проблематику «люди и ландшафты» можно изучать, и напрямую обратившись к людям, привнеся их непосредственные голоса, оценки и интерпретации в лингволандшафтные исследования. Тем самым вторая сторона коммуникативного процесса — *восприятие* (в нашем случае языкового и шире — семиотического ландшафта) — не отдается на откуп только исследователю, а доступ к интерпретациям членов сообщества позволяет раскрыть труднодоступные для постороннего аналитика значения и практики, связанные с языковыми знаками. При этом, конечно, как исследователь, так и информанты являются средоточиями формирующих их дискурсов, в полном соответствии с фундаментальными открытиями М. М. Бахтина, П. Бурдьё о полифонизме и диалогичности, габитусе [Бахтин 2002; Бурдьё 2007]. При анализе ЯЛ сквозь двойственную призму — и ученого, и людей, живущих в исследуемом языковом

¹ Как говорил К. Гирц, все антропологические работы были и остаются интерпретациями интерпретаций, или интерпретациями второго или третьего порядка [Geertz 1973].

ландшафте и создающих его, — этнография, так сказать, доводится до конца, давая более насыщенное и глубокое знание об исследуемом предмете.

Именно таков подход, использованный в исследовании ЯЛ в данной статье и в предыдущей работе одного из авторов, где также объектом исследования являлся ЯЛ Улан-Батора [Хилханова 2024]. В отличие от предыдущей работы [Хилханова 2024] в данной статье ставится цель в первую очередь провести теоретический разбор проблематики «люди и (языковые) ландшафты», прояснение теоретико-методологических и терминологических вопросов, связанных с этнографическим подходом в лингволандшафтных исследованиях (см. введение, разделы 1 и 2). Практическая часть работы (раздел 3) посвящена анализу ЯЛ столицы Монголии с фокусом на трех языках, которые, по единодушному мнению жителей города и авторов статьи, показывают наибольший рост в публичном пространстве Улан-Батора — английском, корейском и китайском. Количественные данные о репрезентации языков в ЯЛ Улан-Батора служат для нас отправным пунктом, чтобы читатель представлял общие тенденции ЯЛ города как «подлинно этнографический объект, полный следов человеческой деятельности, взаимодействий, отношений, историй и ожидаемого будущего» [Blommaert 2013: 49]. Для анализа всей аксиоматики по отношению к ЯЛ использован термин *языковые идеологии*; второй важной стороной анализа является контекст, в котором возникают, уменьшаются и увеличиваются в количестве знаки ЯЛ.

Заметим, что предложенный подход не является этнографией в чистом виде, как не является таковым и исследование Я. Бломмарт. Это исследование *на стыке* исследований языковых ландшафтов, социальной семиотики и этнографии, причем этнография не является только «методом»: анализ как знаков ЯЛ, так и всего конгломерата значений, приписываемых им членами сообщества, равноценны для понимания языковых и социальных процессов, происходящих в избранной географической локации.

2. Языковые ландшафты и этнография: вопросы терминологии и методологии

В начале «терминологического» раздела необходимо сказать о соотношении понятия *языковые ландшафты* с понятием *ландшафты* вообще, точнее, *семиотические ландшафты* (несемиотические ландшафты, вне человека, конструирующего их значения в процессе социокультурной интерпретации, находятся вне нашего дисциплинарного поля). Очевидно, что понятие (семиотических) ландшафтов шире и включает в себя языковые ландшафты: в социолингвистике и социальной семиотике ландшафт — это «образ окружающей среды, способы ее символической репрезентации» [Чернявская 2023б: 55]. Как таковой, (семиотический) ландшафт включает в себя не только текст (в широком смысле), но и визуальные изображения, невербальную коммуникацию, архитектуру и в целом созданную человеком среду [Jaworski, Thurlow 2010: 2]. В формате статьи мы не будем касаться анализа ландшафта вообще, фокусируясь на языковых ландшафтах, но без семиотического измерения этнографически ориентированное исследование ЯЛ невозможно, о чем будет сказано далее.

Поскольку термин *этнография* до сих пор иногда ассоциируется с дисциплиной этнографией, причем в его понимании как «науки, изучающей преимуще-

ственно материальную культуру народов, особенно удаленных от исследователя во времени или пространстве» [Романов, Ярская-Смирнова 1998: 2], существует необходимость в его прояснении. Основные принципы этнографического метода в социологии определяются учеными как обязательность полевого исследования, признание субъективности как получаемых данных, так и роли самого исследователя, контекстуальность. Контекстуальность описания действительности подразумевает, что произведенное описание должно быть максимально соотнесено с тем, в каких условиях, ситуации, на каком социальном «фоне» происходило изучаемое взаимодействие «исследователь – индивид» [Лыкова 2011: 140]. Поэтому этнографические описания, как правило, подробны, а их результаты трудно обобщаемы (см. об этом: [Хилханова 2025]). Этнографический подход относится к интерпретативной парадигме и дает возможность установить смыслы, скрытые за социальными и организационными порядками современных сообществ, выявить субъективные переживания и понять социальное, т. е. осмысленное поведение людей [Романов, Ярская-Смирнова 1998: 153].

Применительно к исследованиям языковых ландшафтов Я. Бломмартом, вслед за Р. Сколлон и С. Сколлон, предложены способы преодоления постоянного риска локализма и анекдотизма в этнографии, позволяя этнографии перейти от описываемых ею событий в уникальном контексте к структурным и системным закономерностям в интерпретации. Первый способ — это исторический подход, т. е. рассмотрение языковых ландшафтов в протяженном историческом контексте, а второй — теоретизация пространства как агентивного и не-нейтрального (подробнее см.: [Blommaert 2013]). В нашем исследовании акцент сделан на втором подходе.

В плане предмета исследования в этнографически ориентированных социолингвистических работах ученые (в зависимости от своего дисциплинарного бэкграунда) оперируют, как правило, такими терминопонятиями, как *голоса*, *мнения*, *языковые установки*, *языковые идеологии*, *репрезентации языка*, *социальные представления* и т. п. Собственно, в целом имеются в виду те или иные ракурсы категории *языкового воображаемого* (см. об этом: [Москвичева и др. 2023]). За каждым из данных терминов стоит собственная — и сегодня уже тесно переплетенная с другими — научная традиция. К примеру, понятием *голос* оперируют, как правило, (культурные) антропологи. Вокруг понятия *языковые идеологии* на Западе сложилась отдельная, теоретически и методологически разработанная область исследований. Некоторые даже считают, что языковая идеология стала в последние годы центральным понятием в (западной) социолингвистике [McKenzie 2010: 20].

Хотя современная наука строится вокруг не предмета познания, а научных проблем, вокруг которых концентрируются усилия разных дисциплин, тем не менее всегда полезно определиться с предметом исследования во избежание методологических и методических погрешностей. Нечеткое представление методологических рамок может привести к подмене понятий и, соответственно, методов. Например, методологически правильно разделять термины *языковые идеологии* и *языковые установки* в силу ряда причин, в первую очередь потому, что оба термина берут свое начало в разных дисциплинарных традициях. Термин *языковые установки* берет свое начало в западной (североамериканской) социальной психологии с вытекающей из этого социально-психологической

доминантой. В исследованиях языковых идеологий, представляющих североамериканскую традицию лингвоантропологических исследований (см. об этом, например: [Kroskrity 2010; Хилханова 2022]), сильна социально-политическая доминанта. Важно то, что идеологии, с одной стороны, — это ментальные образования, регулирующие социальное поведение индивида и группы, но с другой стороны, они сами являются продуктом сложных когнитивных процессов переработки информации извне и создания личностного смысла в сознании людей. Если меняется социальная и политическая реальность, (языковые) идеологии тоже постепенно меняются, что выводит нас на важность контекста для понимания изучаемых феноменов, в нашем случае — пространств, созданных человеком.

В силу вышесказанного в данной работе выбор сделан в пользу терминопонятия *языковые идеологии*, а не *языковые установки*. В исследовании ЯЛ Улан-Батора наш основной интерес заключается в выявлении «языкового воображаемого» не на индивидуальном, а на групповом уровне. Этим, а также тем, что мы намерены проследить связь между языковыми идеологиями и релевантными контекстами (в первую очередь политическим и экономическим), обусловлен терминологический выбор.

Исследование базируется на смешанной методологии: визуальная этнография, анкетирование, интервьюирование, этнографическое наблюдение. В качестве материала для анализа выступили 945 знаков ЯЛ, 100 анкет и 6 устных интервью, а также неформальные разговоры, не являющиеся в полном смысле интервью или анкетированием, материалы СМИ и социальных сетей. Анкеты были нацелены на две группы жителей Улан-Батора: представителей бизнеса (кафе, магазины, ремонтные мастерские и т. д.) и «обычных» горожан. Материал был собран в основном во время полевого исследования по проекту РНФ в Улан-Баторе в марте и августе 2024 г. Анализ собранного материала проводился с использованием количественного, но преимущественно качественного метода.

3. Языковой ландшафт Улан-Батора в восприятии горожан

Языковые тенденции в публичном пространстве Улан-Батора в восприятии горожан, с одной стороны, вариативны, с другой — довольно однозначны. Однозначность проявляется в том, что почти единогласно люди отмечают увеличение удельного веса английского, китайского и корейского языков в ЯЛ города и уменьшение видимости русского языка. Самым заметным и частотным языком в восприятии жителей является английский язык (см. об этом также: [Хилханова, Иванов 2023]). Вариативность же проявляется, во-первых, в том, что оценки тенденций в ЯЛ города «привязаны» к одной из традиционно выделяемых социолингвистических переменных — возрасту. Озабоченность и недовольство «засильем» английского и корейского языков (как в ЯЛ, так и вне его) обнаруживает старшее и порой среднее поколение, в то время как отношение молодежи и детей школьного возраста к данным языкам положительное. Монгольские школьники говорят по-английски и в быту: обиходные фразы типа «hey guys», «let's go» слышны на улицах Улан-Батора и являются частью повседневного речевого репертуара многих детей, подростков и молодежи.

Вторая вариативная черта связана с «вечной» теоретико-методологической проблемой разницы восприятия и интерпретации изучаемых феноменов экспертом и языковым сообществом. В немного другом ракурсе это разница взглядов

инсайдеров (членов сообщества) и аутсайдеров (внешних по отношению к сообществу людей) ([Fishman 1999: 160]; см. об этом также [Хилханова 2025]). Сравним эти взгляды в количественном формате как наиболее удобном для сопоставления. Анализ соотношения языков в ЯЛ Улан-Батора был представлен в публикации одного из авторов данной статьи, проводшего опрос [Хилханова 2024]. Взгляды сообщества (жителей Улан-Батора) по данным полевых исследований в марте и августе 2024 г. даны на рис. 1.

Сопоставление взглядов «инсайдеров» и «аутсайдера», на первый взгляд, обнаруживает некоторые несовпадения. Первое из них заключается в том, что при подсчете, произведенном авторами, государственный халха-монгольский язык (далее мы его будем обозначать просто как монгольский язык) на кириллической графике безусловно доминирует в ЯЛ столицы, занимая то место, которое в мировой практике обычно и занимают языки, обладающие таким статусом и государственной поддержкой. В представлениях же горожан доминирует английский язык; монгольский следует за ним со значительным отрывом (рис. 1). Пятерку наиболее распространенных в Улан-Баторе языков замыкает корейский язык, а китайский и русский находятся в середине пятерки лидеров. Представленность остальных языков, начиная с японского, чрезвычайно мала.

Во-вторых, авторами исследования отдельно выделена категория гибридных знаков ЯЛ, на которых комбинируются монгольский и английский языки. Горожане не обратили внимания на гибридные вывески; английский и монгольский языки были восприняты ими раздельно.

Наконец, если авторами статьи отмечено наличие вертикального монгольского письма в ЯЛ, то для информантов он как бы вообще отсутствует. Зато появляется ряд языков, не обнаруженных авторами в центре Улан-Батора: вьетнамский, казахский, испанский, украинский, а также такие несуществующие языки, как бельгийский и индийский (хотя в последнем случае, возможно, имелся в виду хинди). Наличие бельгийского и индийского сразу относит данные ответы к области так называемой «наивной (народной) лингвистики», заодно ставя под сомнение правильность идентификации информантами других языков,

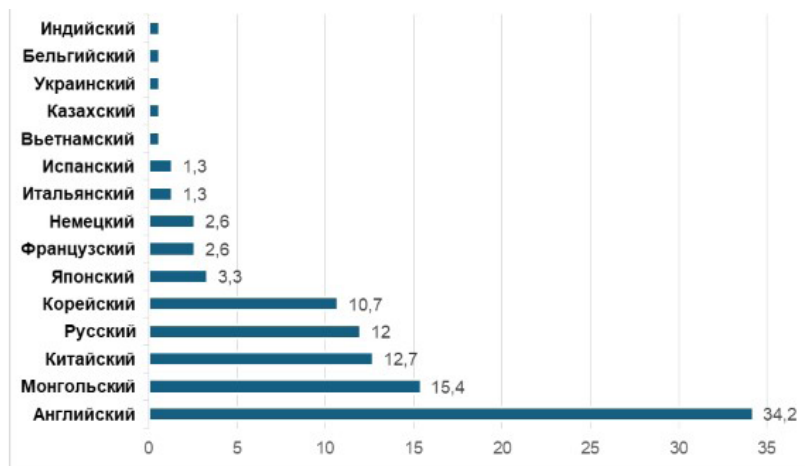

Рис. 1. Языки в языковом ландшафте Улан-Батора в восприятии горожан, %
[Fig. 1. Languages in the linguistic landscape of Ulaanbaatar in the perception of townspeople, %]

особенно таких, которые редко встречаются на улицах Улан-Батора, например, вьетнамский или украинский.

Поскольку мы имеем здесь дело с «языковым воображаемым», вопрос не в правильности идентификации языков. Гораздо более интересен вопрос, насколько различия в ЯЛ Улан-Батора в восприятии ученых и жителей города существенны и как их можно объяснить. Во-первых, разница здесь в том, что выделение авторами гибридных англо-монгольских знаков ЯЛ в отдельную категорию построено на строгом подсчете количества идиом на одном знаке (о принципах выделения единицы анализа см.: [Хилханова 2024]). Такое комбинирование значимо и имеет множественное индексальное (на)значение: это и репрезентация монгольской национальной идентичности, и проявление стратегии интернационализации и коммодификации языка. Эта гибридность прошла мимо внимания горожан, сосредоточенных на английском языке. Также разница взглядов инсайдеров и аутсайдеров ярко проявилась в том, что государственный монгольский язык был воспринят частью опрошенных как дефолтный, как естественная и потому не заслуживающая внимания часть ЯЛ. Более беспристрастный взгляд посторонних исследователей, конечно, отметил, что именно государственный монгольский язык, а не английский, является безусловным лидером в визуальном (да и в звуковом) ЯЛ столицы. Возможно, не упомянутое информантами традиционное монгольское письмо, которое постепенно вводится в официальное делопроизводство и школьное образование и является важным компонентом современного монгольского нациестроительства, также вошло в категорию «монгольский язык» и потому не было упомянуто отдельно. То, что в фокусе внимания улан-баторцев оказался английский язык, также связано со взглядом «инсайдеров» — озабоченностью современных монголов этим трендом. Также некоторые колебания в репрезентации языков в ЯЛ Улан-Батора объясняются высокой динамикой изменений ЯЛ современных городов, вариациями в индивидуальном восприятии, вариативностью ЯЛ различных районов столицы.

Тем не менее тенденции схвачены верно в обоих случаях: оба списка наиболее заметных языков достаточно точно отражают динамику ЯЛ современного Улан-Батора. В данном случае разница в экспертном и непрофессиональном мнении оказалась по большому счету несущественной. Далее мы остановимся более подробно на английском, корейском и китайском языках, динамика которых очень точно отражает наиболее заметные тенденции в ЯЛ столицы Монголии.

3.1. Английский язык

Как уже упоминалось, языковые ландшафты, равно как и вся языковая политика в широком понимании этого термина [Tollefson, Pérez-Milans 2018; Хилханова 2020], являются результатом деятельности людей, их агентивности. Так об этом пишет Л. ван Лиер: *«Очевидно, что экологический и семиотический подход к изучению языка основан на агентивности, как и вся жизнь в целом»* [van Lier 2011: 391]. Активная деятельность людей в семиотическом контексте предполагает намеренное использование семиотических ресурсов для передачи определенных сообщений, будь то коммерческих, политических или культурных [Blommaert 2013: 40, 50]. Рассмотрим реализацию агентивности на всех ее традиционно выделяемых уровнях.

На микроуровне агентивность «низовых» акторов наиболее ярко проявляется в мотивах нейминга. Нейминг, или коммерческая номинация, — одна из наиболее

лее интересных сфер применения новых и прецедентных имен, поскольку их использование в данной сфере глубоко прагматично и неверное использование имени может привести не только к коммуникативной неудаче, но и коммерческому провалу [Максименко 2018: 199]. Опрос владельцев частных заведений (ресторанов, магазинов и т. д.) относительно мотивов нейминга их заведений показал, что именно английский язык, а также гибридные монгольско-английские наименования кажутся владельцам этих заведений «запоминающимися», «наиболее подходящими», «необычными», «инновационными», «привлекают людей / клиентов», «отличаются от других», обладают позитивными и приятными ассоциациями — с богатством, первенством, успехом и т. д. (к примеру, хозяин магазина «Alpha Book» объяснил название своего магазина так: «alpha — значит ‘доминирующий’»).

Проследживание пути по принципу «люди → практики → знаки» (обратного тому, что сделано Я. Бломмартом) показывает, как языковые идеологии, включая позитивные ассоциации с английским языком, существующие в головах имядателей, выливаются в соответствующие языковые практики и вносят существенный вклад в умножение англоязычных вывесок и других знаков ЯЛ на улицах Улан-Батора.

Все уровни агентивности, безусловно, тесно взаимосвязаны. Так, бизнес-агентивность как на уровне крупных компаний, так и малого бизнеса (мезоуровень) вписана в общенациональный и глобальный контекст (макроуровень). Например, экспансия южнокорейского бизнеса в Монголии (подробнее см. об этом далее) визуально представлена именно английским языком: сети круглосуточных корейских магазинов GS25, CU и CJ Foodville, встречающихся на каждом шагу на улицах Улан-Батора, носят английские названия.

Более общие, но также позитивные языковые идеологии касательно английского языка вербализуются в следующих, довольно типичных дискурсах¹:

Монгол болон англиар ярьдаг хүмүүс олироосой гэж боддог. Эх хэл болон, дэлхийн хэл болох англи хэлийг мэдэх нь чухал ‘Мне бы хотелось, чтобы было больше людей, говорящих на монгольском и английском языках. Важно знать родной язык, также и английский язык как мировой язык’.

Орос, Англи, Хятад гурван хэл дээр ярьж сурвал, орчин үеийн залууст дэлхийд гарахад нь хэрэгтэй ‘Научиться говорить на трех языках — русском, английском и китайском — необходимо современным молодым людям для выхода на мировую арену’.

В целом же отношение к английскому языку демонстрирует амбивалентные языковые идеологии. Помимо позитивных ассоциаций и оценок, о которых говорилось выше, он воспринимается и как проводник и воплощение глобализации, несущей угрозу национальной идентичности, культуре и традициям, например:

Цэвэр монгол хэлээрээ ярьдаг байгаасаа гэж хүсэж байна. Англи үг хэллэг, сул үгээ болгон хэт их ашигладаг болоод байгаа ‘Я хочу, чтобы люди говорили на своем монгольском языке. Английские слова и фразы используются слишком часто’.

Зарим хүмүүс өдөр тутамдаа англи үг хэллэг ашиглаж байгаа санагддаг ‘Кажется, некоторые люди используют английские слова каждый день’.

Социально-политическим и экономическим контекстом, способствующим экспансии английского языка в Монголии, является политика «третьего сосе-

¹ В цитатах сохранена оригинальная орфография и пунктуация.

да», которой Монголия придерживается после распада СССР и выхода страны из-под идеологического влияния «северного соседа». Под «третьим соседом» подразумевается ряд внерегиональных политических игроков (США, Япония, Республика Корея, ЕС, Индия, Турция) [Мягкая сила 2022: 135; Железняков др. 2013: 122].

Наиболее явственно эта политика видна в образовании. Власти Монголии давно работают над внедрением в образовательных учреждениях английского, и эту инициативу охотно поддерживают западные правительства. Только в 2024 г. Монголию посетили экс-глава МИД Великобритании Дэвид Кэмерон и госсекретарь США Энтони Блинкен. Д. Кэмерон пообещал в течение трех лет выделить из бюджета Соединенного Королевства 10 млн фунтов стерлингов на дальнейшее расширение инициативы по изучению английского языка, а Э. Блинкен объявил о намерении создать в Монголии центр английского языка¹.

В мае 2023 г. парламент страны — Великий государственный хурал — принял поправки в «Общий закон об образовании», которые утвердили английский основным иностранным языком в школах. В связи с формированием законодательной базы обучения английскому языку с начальной школы, в 2024–2025 учебном году программа английского языка должна быть реализована на экспериментальной основе для учащихся 3 и 4 классов 100 общеобразовательных школ². По данным нашего полевого исследования, материалам СМИ и дискуссиям в социальных сетях, тема поправок стала очень политизированной, что привело к поляризации монгольского общества. Законопроект был направлен на ликвидацию разницы между частными и государственными школами. Проблема была в том, что в частных обучали английскому, русскому, китайскому и японскому языкам в зависимости от направленности учреждения. Соответственно, как отмечали наши информанты, в частных школах ученики обычно говорят по-английски, в том числе и во внеурочное время. Часть депутатов выступала против нововведений, заявляя, что таким образом английский может стать вторым официальным языком в стране. Также был аргумент, что молодежь, выучив английский, будет покидать родину. Их противники отвечали, что необходимо создать в стране условия для того, чтобы детям не хотелось мигрировать в более благополучные государства³.

Таким образом, ни в парламенте страны, ни среди населения нет единства по отношению к массовому распространению в стране английского языка, включая и повышение его видимости в ЯЛ. Конкуренция на языковом рынке продолжается, и в ближайшем будущем англоязычная тенденция, скорее всего, будет продолжаться.

¹ Как английский язык внедряется в монгольское образование. 4 октября 2024 г. [электронный ресурс] // URL: <https://rybar.ru/kak-anglijskij-yazyk-vnedryaetsya-v-mongolskoe-obrazovanie/> (дата обращения: 10.03.2025).

² Английский язык заменил русский в 100 школах Монголии. 27 августа 2024 г. [электронный ресурс] // URL: <https://rossaprimavera.ru/news/f2041061> (дата обращения: 10.03.2025).

³ Реформа образования Монголии: как английский язык расколол Великий Хурал. 7 июля 2023 г. [электронный ресурс] // URL: https://babr24.com/mong/?IDE=247946&utm_source=in_materials (дата обращения: 10.03.2025).

3.2. Корейский язык

Все сказанное выше про английский язык можно отнести и к корейскому языку. Жители Улан-Батора, рассуждая на эту тему, подчеркивают его растущую популярность, особенно среди молодежи:

Эмээгийн маань үеийхэн дийлэнх нь оросоор ярьж сурсан байгаагаас үзвэл соц-нийгэмд орос хэлтнүүд олон, харин өнөө үед Англи, Хятад хэлтнүүд олиширсон байна. Мөн монголчуудын хувьд солонгос хэлтэй байх нь давуу тал учир мөн олиширч байна ‘Судя по тому, что большая часть поколения моей бабушки научилась говорить на русском, так как в социалистическом обществе много русскоязычных, но сейчас больше англо- и китайскоговорящих. А для монголов владение корейским языком является преимуществом, и оно также увеличивается’.

Солонгос хэл залуусын дунд олиширч байгаа... ‘Корейский язык становится все более популярным среди молодежи...’.

Контекст этого тренда, однако, отличается от английского языка: он менее глобален и более специфичен. Причина популярности корейского языка в Монголии — и антропологическая близость двух азиатских стран, и поразительный экономический и культурный успех маленькой страны без полезных ископаемых и сельскохозяйственных угодий, который превратил Корею в ориентир для развития и подражания.

С растущей популярностью корейской поп-культуры повысился интерес и к языку ее носителей как в Монголии, так и во всем мире. Мягкая сила южно-корейского кинематографа и музыки оказывает большое влияние на молодежь. Как пишут в газете «UB Post», корейское влияние распространяется намного дальше ритейла и общепита. Южнокорейские компании мощно проникли на рынок фармацевтики, здравоохранения, одежды, косметики, туризма, строительства и инфраструктуры. Корейские сетевые компании BGF Retail и GS Group открыли свыше 500 магазинов розничной торговли по всей стране, обогнав национальные сети. Сейчас в Улан-Баторе и аймаках Монголии насчитывается 370 круглосуточных магазинов «Nice 2 CU» и 280 магазинов их конкурентов «GS 25» [Chantsalmaa 2024]. Спрос на корейский язык обусловлен и тем, что Южная Корея — популярное направление для трудовых мигрантов. Сегодня в Республике Корея проживает порядка 45 тыс. граждан Монголии, и это самая представительная монгольская диаспора в зарубежных странах [Бредихин 2023: 135]. По состоянию на 2021 г. Республика Корея является шестым крупнейшим торговым партнером Монголии и четвертой по величине страной-экспортером. За 30 лет с момента установления дипломатических отношений в 1990 г. объем торговли между двумя странами увеличился в 122 раза с 2,71 млн долларов США на момент установления дипломатических отношений до 330 млн долларов США в 2019 г. [Григорьева 2021: 56].

15 октября 2024 г. в Улан-Баторе прошло заседание IV совместной корейско-монгольской комиссии по образованию. Основной акцент участники сделали на изучении корейского языка. Министерство образования Республики Корея обратилось к правительству Монголии с просьбой о дальнейшем расширении программ по изучению корейского языка, в том числе с возможностью изучения корейского как второго или первого иностранного¹.

¹ О корейской экспансии в Монголии. 16 октября 2024 г. [электронный ресурс] // URL: <https://rybar.ru/o-korejskoj-ekspansii-v-mongolii/?ysclid=mafww40j1s271090280> (дата обращения: 03.03.2025).

Таким образом, корейский язык «наступает на пятки» английскому языку, а вышеупомянутая культурная, антропологическая и географическая близость способствуют развитию этой тенденции. Тем не менее боязнь утраты национальной идентичности, несмотря на экономические выгоды и притягательность корейской «мягкой силы», присутствует и здесь.

3.3. Китайский язык

Отношение к китайскому языку, пожалуй, больше, чем в случае с английским и корейским, варьирует по шкале от неприятия до осознания его необходимости. Так, у одного из информантов (муж., 62 года, прекрасно говорит по-русски, учил его в школе в советский период) внук учится в китайской школе, хотя, по его словам, обучение дорогое и стоимость его постоянно повышается. В целом по сравнению с 2003 г. число изучающих китайский язык в университетах, колледжах и школах утроилось, а с 2007 г. — удвоилось. Более 70 % всех обучающихся изучают китайский язык углубленно или по выбору в старших классах. Студенты, владеющие китайским языком на высоком уровне, обладающие навыками перевода, базовыми знаниями по литературе, истории, экономике, по обществу Китая, пользуются высоким спросом на рынке труда Монголии [Мунгуншагай 2023: 268–269].

Аргументы в пользу необходимости изучения китайского языка звучат следующим образом:

Англи, Орос, Хятад хэл дээр аль болох олон хүн яриасай. Орос, Хятад хоёр том гүрний дунд амьдардаг манай монголчуудын хувьд хөрш орныхоо хэлийг мэддэг байх ёстой. Англи хэлний мэдлэггүй бол залуусын хувьд ижил хөдөлмөрлөхөд хэцүү болно ‘Я бы хотел, чтобы как можно больше людей могли говорить на английском, русском и китайском языках. Наши монголы, живущие между двумя великими державами, Россией и Китаем, должны знать язык соседней страны. Без знания английского языка молодым людям будет сложно работать наравне’.

Хятад болон Япон хэлээр ярьдаг хүмүүс ихээхэй гэж бодож байна. Хятад хэл Англи хэлний араас орох олон улсын хэл болох байх аа. Харин ямар нэг хэлний хэрэглээ багасаасай гэж бодохгүй байна. Ямар ч хэл сурсан хэрэг болох болов уу ‘Мне бы хотелось, чтобы было больше говорящих на китайском и японском языках. Китайский станет следующим международным языком после английского’.

Ниже приведены примеры антикитайского дискурса:

Монголдоо монгол хэлээрээ ярьж байх нь зөв гэж боддог. Сүүлийн үед хятад хэлээр ярьж байгаа тохиолдолуудтай олон таарсан тул, Хятад хэлээр ярьж байгаа хүмүүс цөөрөөсэй. Боловсрол чухал ч төрөлх хэлээ хамгаалах нь хамгийн чухал ‘Я считаю, что в Монголии правильно говорить по-монгольски. Мне бы хотелось, чтобы людей, говорящих по-китайски, было меньше, поскольку в последнее время было много случаев, когда люди говорили по-китайски. Образование важно, но защита родного языка важнее всего’.

Англи, монголоор ярих хэрэгтэ. Хятадаар цөөрөх ‘Нужно говорить на монгольском и на английском. А китайский надо уменьшить’.

Что касается экономического контекста, то Китай сегодня является основным торговым партнером Монголии. За последние годы произошло увеличение доли Китая во внешней торговле, особенно в экспорте товаров. Монголия поставляет в Китай 89,1 % экспортной продукции (6789,2 млн долл.), в основном это минеральные продукты, такие, как уголь, руды различных металлов [Осодоев 2022: 32].

На фоне стремительного роста популярности китайского языка и активной деятельности в этом направлении китайской стороны увеличиваются и различного

рода страха и опасения в Монголии. Существует мнение, что укрепление позиций китайского языка не только подорвет позиции монгольского языка, но и приведет к «промывке» мозгов школьников и студентов, и они станут полностью прокитайски настроенными людьми. Это в свою очередь будет угрожать безопасности Монголии и ее национальной культуры [Мунгуншагай 2023: 270–271]. Несмотря на экономический фактор, сильна историческая память о том, что на протяжении двух тысяч лет Китай был скорее врагом, чем партнером для кочевников. Согласно этнографическим данным, монголы в целом не очень доверяют китайцам, подозревают, что у них есть скрытые замыслы захватить их земли. Многие видят в них экзистенциальных врагов, принимая китайцев только как временных торговых партнеров.

4. Заключение

В настоящей работе основной интерес авторов заключался в прояснении теоретических вопросов вокруг проблематики «люди и (языковые) ландшафты». Анализ ЯЛ Улан-Батора выполнял скорее иллюстративную функцию. Поэтому некоторые сюжеты, в частности контекстуальная часть описания ЯЛ, были представлены кратко, особенно с учетом того, что политический и экономический контекст, влияющий и на ЯЛ монгольской столицы, представляет собой отдельную и весьма обширную тему.

В теоретической части доказывается, что проблематика «люди и (языковые) ландшафты» шире, чем проблематика «агентивность и (языковые) ландшафты». При анализе ЯЛ сквозь призму взгляда не только ученого, но и людей, живущих в исследуемом языковом ландшафте, этнография, так сказать, доводится до конца. При обращении к людям прослеживается путь не только от знаков к практикам и людям, но и от людей к практикам и создаваемым и интерпретируемым ими знакам.

Практический анализ показал взаимосвязь ЯЛ Улан-Батора (включая количество языковых знаков), формирующих его языковых практик (мотивов нейминга) и языковых идеологий «в головах» жителей города. В ЯЛ Улан-Батора, как в капле воды, отражаются и воспроизводятся актуальные и стратегические тенденции в языковой жизни страны. Наблюдается некоторая поляризация общества по отношению к «засилью» наиболее активной «тройки» иностранных языков — английского, китайского и корейского. Боязнь утраты национальной идентичности сочетается с осознанием экономической (коммодификационной) ценности данных языков. Распространенность английского языка обусловлена его ценностью в качестве глобального *lingua franca* в глазах населения. Он ассоциируется с технологическим прогрессом и доступом к разного рода возможностям, образовательным, профессиональным и т. д. Также в общественно-культурной плоскости все более заметен крен в сторону Южной Кореи. Китайский язык рассматривается как вынужденная необходимость.

Таким образом, в широком контексте языковой ландшафт Улан-Батора, языковые идеологии (включая представления людей о коммодификационной ценности тех или иных языков) и выбор языка на всех уровнях агентивности вписаны в актуальную повестку нациестроительства и геополитики. Также в ЯЛ Улан-Батора не напрямую, а сложным и прихотливым образом проявляется и видение монголами исторического прошлого и будущего страны, желание сохранить свою национальную идентичность и культуру.

Литература

- Алпатов 2018 — *Алпатов В. М.* Слово и части речи. 2-е изд. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. 256 с.
- Бахтин 2002 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.; Аугсбург: Im Werden-Verlag, 2002. 167 с.
- Бредихин 2023 — *Бредихин А. В.* Трудовая и образовательная миграция жителей Монголии в Южную Корею и Канаду // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. № 13(6). С. 133–137. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-133-137
- Бурдые 2007 — *Бурдые П.* Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетея, 2007. 288 с.
- Григорьева 2021 — *Григорьева Ю. Г.* Динамика развития отношений Республики Корея и Монголии в современный исторический период // Политика и Общество. 2021. № 4. С. 54–62. DOI: 10.7256/2454-0684.2021.4.37116
- Железняков и др. 2013 — *Железняков А. С., Баасансүрэн Д., Недяк И. Л.* Многоопорная политика современной Монголии сквозь призму восточного вектора российской политики // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 121–132.
- Лыкова 2011 — *Лыкова Т. Р.* Применение этнографического метода в социологических исследованиях // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Мат-лы XIV Международная конференция (г. Екатеринбург, 17–18 марта 2011 г.). Ч. 1. Екатеринбург: УрГУ, 2011. С. 140–145.

References

- Alpatov V. M. Word and Parts of Speech. 2nd ed. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2018. 256 p. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow; Augsburg: Im Werden-Verlag, 2002. 167 p. (In Russ.)
- Bredikhin A. V. Labor and Educational Migration of Mongolian Residents to South Korea and Canada. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023. No. 13(6). Pp. 33–137. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-6-133-137 (In Russ.)
- Bourdieu P. Sociologie de l'Espace Social. N. Shmatko (trans., ed.). Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Alethea, 2007. 288 p. (In Russ.)
- Grigoryeva Yu. G. Dynamics of Development of Relations between the Republics of Korea and Mongolia in the Modern Historical Period. *Politics and Society*. 2021. No. 4. Pp. 54–62. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0684.2021.4.37116
- Zheleznyakov A. S., Baasansuren D., Nedyak I. L. Modern Mongolia's Multi-Fulcrum Policy through the Prism of the Russian Policy's Oriental Vector. *Polis. Political Studies*. 2013. No. 5. Pp. 21–132. (In Russ.)
- Lykova T. R. Application of the Ethnographic Method in Sociological Research. In: Proceedings of the XIV International Conference "Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Empirical Research Experience". Yekaterinburg. P. 1. Ekaterinburg: Ural State University, 2011. Pp. 140–145. (In Russ.)

- Максименко 2018 — Максименко О. И. Глобальный нейминг как лингвистическая проблема // Язык в глобальном контексте: Современная языковая ситуация как следствие процесса глобализации: Сб. науч. трудов. М.: [б. и.], 2018. С. 188–201.
- Максименко O. I. Global Naming as a Linguistic Problem. Language in a Global Context: The Current Language Situation as a Result of the Globalization Process: Collection of Scientific Papers. Moscow, 2018, Pp. 188–201. (In Russ.)
- Москвичева и др. 2023 — Москвичева С. А., Вио А., Замалетдинов Р. Р. Репрезентации языка и языковые аттитюды в мишарском диалектном континууме // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27. № 3. С. 687–714. DOI: 10.22363/2687-0088-34933
- Moskvitcheva, S. A., Viaut A., Zamaletdinov R. R. Language Representations and Language Attitudes in the Mishar Dialect Continuum. *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Vol. 27. No. 3: Pp. 87–714. DOI: 10.22363/2687-0088-34933. (In Russ.)
- Мунгуншагай 2023 — Мунгуншагай Д. Образование как инструмент «мягкой силы» КНР в Монголии // Власть. 2023. № 1. С. 267–273.
- Mungunshagai D. Education as a Tool of “Soft Power” of PRC in Mongolia. *Power*. 2023. No. 1. Pp. 267–273. (In Russ.)
- Мягкая сила 2022 — «Мягкая сила» в российско-монгольских отношениях / отв. ред. В.А. Родионов, А. Нямдолжин. Иркутск: Оттиск, 2022. 196 с.
- “Soft Power” in Russian-Mongolian Relations. V. Rodionov, A. Nyamdolzhin (eds.). Irkutsk: Ottisk, 2022. 196 p. (In Russ.)
- Осодоев 2022 — Осодоев П. В. Внешне-экономические связи регионов экономического коридора Китай – Монголия – Россия // Успехи современного естествознания. 2022. № 1. С. 30–35. DOI: 10.17513/use.37766
- Osodoev P. V. Foreign Economic Relations in the Regions of the Economic Corridor China – Mongolia – Russia. *Advances in Current Natural Sciences*. 2022. No. 1. Pp. 30–35. DOI: 10.17513/use.37766 (In Russ.)
- Романов, Ярская-Смирнова 1998 — Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1–2. С. 145–160.
- Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. “To Make Known Unknown...”: Ethnographic Method in Sociology. *Sociological Journal*. 1998. No. 1-2. Pp. 145–160. (In Russ.)
- Хилханова, Иванов 2023 — Хилханова Э. В., Иванов В. В. Коммодификация языков и языковой ландшафт столицы Монголии // Социолингвистика. 2023. № 2(14). С.129–153. DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-129-153
- Khilkhanova E. V., Ivanov V. V. The Commodification of Languages and Linguistic Landscape of the Capital of Mongolia. *Sociolinguistics*. 2023. No. 2 (14). Pp. 129–153. DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-129-153. (In Russ.)
- Хилханова 2020 — Хилханова Э. В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. С. 756–815. DOI: 10.30842/alp2306573716324.
- Khilkhanova E. V. People in Language Policy: Theory and Practice of the Discursive Turn in Sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe). *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.3. Pp. 756–815. DOI 10.30842/alp2306573716324 (In Russ.)

- Хилханова 2022 — Хилханова Э. В. Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 148–162.
- Хилханова 2024 — Хилханова Э. В. Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят знаки и люди // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 591–609. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-591-609
- Хилханова 2025 — Хилханова Э. В. Человеческий фактор в российской социолингвистике (субъективные заметки) // Вопросы языкознания. 2025. № 4. С. 129–156.
- Чернявская 2023a — Чернявская В. Е. «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и метапрагматике // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 72–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5
- Чернявская 2023б — Чернявская В. Е. Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics. 2023. № 2(36). С. 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73
- Backhaus 2007 — Backhaus P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2007. 158 p.
- Blommaert 2013 — Blommaert J. Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity. Bristol, Blue Ridge Summit: Multilingual Matters, 2013. 144 p. DOI: 10.21832/9781783090419
- Blommaert, Maly 2019 — Blommaert J., Maly I. Digital Ethnographic Linguistic Landscape Analysis (ELLA 2.0. Tilburg Papers in Culture Studies. 2019. [https://www.academia.edu/41105061/Digital Ethnographic Linguistic Landscape Analysis \(ELLA 2.0\).](https://www.academia.edu/41105061/Digital_Ethnographic_Linguistic_Landscape_Analysis_(ELLA_2.0))
- Khilkhanova E. V. Language Attitudes and Language Ideologies in Western and Russian Scholarship: the Differentiation of Concepts. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2022. No. 3. Pp. 148–162. (In Russ.)
- Khilkhanova E. V. The Linguistic Landscape of Ulaanbaatar: what Signs and People Tell about. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. Vol. 16. No. 3. Pp. 591–609. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-591-609 (In Russ.)
- Khilkhanova E. V. The Human Factor in Russian Sociolinguistics (subjective notes). *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*. 2025. No. 4. Pp. 129–156. (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. “They Call the Main Entrance a Porch”: Social Meaning in Semantics and Metapragmatics. *Slovo.ru: Baltic Accent*. 2023a. Vol. 14. No. 1. Pp. 72–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5 (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. Typography as Social Index: Soviet Landscape in the Modern Russian Discourse. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2023b. No. 2 (36). Pp. 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73 (In Russ.)
- Backhaus P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2007. 158 p. (In Eng.)
- Blommaert J. Ethnography, Superdiversity and Linguistic Landscapes: Chronicles of Complexity. Bristol: Blue Ridge Summit: Multilingual Matters, 2013. 144 p. DOI: 10.21832/9781783090419 (In Eng.)
- Blommaert J., Maly I. Digital Ethnographic Linguistic Landscape Analysis (ELLA 2.0. *Tilburg Papers in Culture Studies*. 2019. Available at: [https://www.academia.edu/41105061/Digital Ethnographic Linguistic Landscape Analysis \(ELLA 2.0\).](https://www.academia.edu/41105061/Digital_Ethnographic_Linguistic_Landscape_Analysis_(ELLA_2.0)) (accessed: 20 April 2025). (In Eng.)

- Bouchard, Glasgow 2018 — *Bouchard J., Glasgow G. P.* (eds.). *Agency in Language Policy and Planning: Critical Inquiries*. New York; London: Routledge, 2018. 322 p.
- Bouchard J., Glasgow G. P. (eds.). *Agency in Language Policy and Planning: Critical Inquiries*. New York; London: Routledge, 2018. 322 p. (In Eng.)
- Chantsalmaa 2024 — *Chantsalmaa D.* Korean culture and business dominant in Mongolia // UB Post. Friday, December 20, 2024.
- Chantsalmaa D. Korean Culture and Business Dominant in Mongolia. UB Post. Friday, December 20, 2024. (In Eng.)
- Fishman 1999 — *Fishman J. A.* Sociolinguistics // *Handbook of Language and Ethnic Identity* / ed. by J. A. Fishman. New York; Oxford: Oxford University Press, 1999. Pp. 152–163.
- Fishman J. A. Sociolinguistics. In: *Handbook of Language and Ethnic Identity*. J. A. Fishman (ed.). New York; Oxford: Oxford University Press, 1999. Pp. 152–163. (In Eng.)
- Geertz 1973 — *Geertz C.* The interpretation of cultures. Selected essays. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
- Geertz C. The Interpretation of Cultures. Selected Essays. New York: Basic Books, 1973. 470 p. (In Eng.)
- Jaworski, Thurlow 2010 — *Jaworski A., Thurlow C.* Semiotic landscapes: language, image, space. London: Continuum International Publishing Group, 2010. 321 p.
- Jaworski A., Thurlow C. Semiotic Landscapes: Language, Image, Space. London: Continuum International Publishing Group, 2010. 321 p. (In Eng.)
- Kroskrity 2010 — *Kroskrity P.* Language Ideologies: Evolving Perspectives // Jaspers J. (ed.) *Society and Language Use (Handbook of Pragmatics Highlights)*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. Pp. 192–211. DOI: 10.1075/hoph.7.13kro
- Kroskrity P. Language Ideologies: Evolving Perspectives. In: J. Jaspers (ed.) *Language Use and Society (Handbook of Pragmatics Highlights)*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. Pp. 192–211. DOI: 10.1075/hoph.7.13kro. (In Eng.)
- Lakoff 1975 — *Lakoff R.* Language and Woman's Place. New York: Harper & Row, 1975. 83 p.
- Lakoff R. Language and Woman's Place. New York: Harper & Row, 1975. 83 p. (In Eng.)
- McKenzie 2010 — *McKenzie R.* The Social Psychology of English as a Global Language: Attitudes, Awareness and Identity in the Japanese Context. Springer, 2010. 224 p.
- McKenzie R. The Social Psychology of English as a Global Language: Attitudes, Awareness and Identity in the Japanese Context. Springer, 2010. 224 p. (In Eng.)
- Saduov et al. 2022 — *Saduov R. T., Varukha I. V., Ganeeva E. R., Timerbaeva E. I.* Multilingualism and identity in the visual space: linguistic landscape in the urban periphery // *Journal of Siberian Federal University. Humanities@ Social Sciences*. 2022. № 15(11). Pp. 1637–1654. DOI: 10.17516/1997 1370-0942
- Saduov R. T., Varukha I. V., Ganeeva E. R., Timerbaeva E. I. Multilingualism and Identity in the Visual Space: Linguistic Landscape in the Urban Periphery. *Journal of Siberian Federal University. Humanities@ Social Sciences*. 2022. No. 15(11). Pp. 1637–1654. DOI: 10.17516/1997 1370-0942. (In Eng.)

- Savski 2021 — *Savski K.* Language policy and linguistic landscape Identity and struggle in two southern Thai spaces // *Linguistic Landscape*. 2021. No. 7 (2). Pp. 128–150. DOI: 10.1075/ll.20008.sav
- Savski K. Language Policy and Linguistic Landscape Identity and Struggle in Two Southern Thai Spaces. *Linguistic Landscape*. 2021. No. 7 (2). Pp. 128–150. DOI: 10.1075/ll.20008.sav (In Eng.)
- Tollefson, Pérez-Milans 2018 — *Tollefson J. W., Pérez-Milans M.* (eds.). The Oxford Handbook of Language Policy and Planning. Oxford: Oxford University Press, 2018. 780 p.
- Tollefson J. W., Pérez-Milans M. (eds.). The Oxford Handbook of Language Policy and Planning. Oxford: Oxford University Press, 2018. 780 p. (In Eng.)
- van Lier 2011 — *van Lier L.* Language learning: An ecological-semiotic approach // Hinkel E. (ed.) *Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning*. Vol. 2. New York: Routledge, 2011. Pp. 383–394.
- Van Lier L. (2011) Language Learning: An Ecological-Semiotic Approach. In: Hinkel E. (ed.) *Handbook of Research in Second Language Teaching and Learning*. Vol. 2. New York: Routledge, 2011. Pp. 383–394. (In Eng.)